

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

Глубокий поиск

Полдень, XXII век

Аркадий и Борис Стругацкие
Глубокий поиск

«Наследник Стругацких»
«Автор»

1960

Стругацкие А.

Глубокий поиск / А. Стругацкие — «Наследник Стругацких»,
«Автор», 1960 — (Полдень, XXII век)

ISBN 5-699-17148-4

ISBN 5-699-17148-4

© Стругацкие А., 1960
© Наследник Стругацких, 1960
© Автор, 1960

Аркадий Стругацкий Борис Стругацкие Глубокий поиск

Кабина была рассчитана на одного человека, и сейчас в ней было слишком тесно. Акико сидела справа от Кондратьева, на чехле ультразвукового локатора. Чтобы не мешать, она прижималась к стене, упираясь ногами в основание пульта. Конечно, ей было неудобно сидеть так, но кресло перед пультом – место водителя. Белову было тоже неудобно. Он сидел на корточках под люком и время от времени осторожно вытягивал затекшие ноги, поочередно то правую, то левую. Вытягивая правую, он толкал Акико в спину, вздыхал и басом извинялся по-английски: «*Beg your pardon*». Акико и Белов были стажерами. Океанологи-стажеры должны мириться с неудобствами в одноместных субмаринах Океанской охраны.

Если не считать вздохов Белова и привычного гула перегретого пара в реакторе, в кабине было тихо. Тесно, тихо и темно. Изредка о спектролит иллюминатора стукались креветки и испуганно выбрасывали облачка светящейся слизи. Это было похоже на маленькие бесшумные розовые взрывы. Словно кто-то стрелял крошечными снарядами. При вспышках можно было видеть серьезное лицо Акико с блестящими глазами.

Акико глядела на экран. Она с самого начала прижалась боком к стене и стала смотреть, хотя знала, что искать придется долго, может быть всю ночь. Экран находился под иллюминатором в центре пульта, и, чтобы видеть его, ей нужно было вытягивать шею. Но она глядела не отрываясь и молчала. Это был ее первый глубоководный поиск.

Она была чемпионом по плаванию в вольном стиле, У нее были узкие бедра и широкие мужские плечи. Кондратьеву нравилось видеть ее, и ему хотелось под каким-нибудь предлогом включить свет. Например, чтобы в последний раз перед спуском осмотреть замок люка. Но Кондратьев не стал включать свет. Он и так помнил Акико: тонкая и угловатая, как подросток, с широкими мужскими плечами, в полотняной куртке с засученными рукавами и в широких коротких штанах.

На экране возник жирный светлый сигнал. Плечо Акико прижалось к плечу Кондратьева. Он почувствовал, как она вытягивает шею, чтобы лучше разглядеть, что делается на экране. Он почувствовал это по запаху духов и, кроме того, ощущал едва заметный запах океанской воды. От Акико всегда пахло океанской водой: как-никак, она проводила в воде две трети своего времени, не меньше.

Кондратьев сказал:

– Акулы. Четыреста метров.

Сигнал задрожал, распался на мелкие пятна и исчез. Акико отодвинулась. Она еще не умела читать сигналы ультразвукового локатора. Белов умел, так как уже прошел годичную подготовку на «Кунашире», но он сидел позади и не видел экрана. Он сказал:

– Акулы – мерзость.

Затем он пошевелился и пробасил:

– *Beg your pardon*, Акико-сан.

Говорить по-английски не было никакой необходимости, потому что Акико пять лет училась в Хабаровске и прекрасно понимала по-русски.

– Тебе не следовало так наедаться, – сердито сказал Кондратьев. – И не следовало пить. Ты ведь знаешь, что бывает.

– Всего-навсего жареная утка на двоих, – сказал Белов, – И по две рюмки. Я не мог отказаться. Мы с ним сто лет не виделись, и он улетает сегодня ночью. Он уже улетел, наверное. Всего по две рюмки... Неужели пахнет?

– Пахнет.

«Это скверно», – подумал Белов. Он вытянул нижнюю губу, подул тихонько и потянул носом.

– Я слышу только духи, – сказал он.

«Дурак», – подумал Кондратьев. Акико виновато сказала:

– Я не знала, что это так серьезно. Я бы не душилась.

– Духи не страшно, – сообщил Белов. – Даже приятно.

«Зря я его взял», – подумал Кондратьев. Белов стукнулся макушкой о замок люка и зашипел от боли.

– Что? – спросил Кондратьев.

Белов вздохнул, сел по-турецки и поднял руку, ощупывая замок над головой. Замок был холодный, с острыми, грубыми углами. Он прижал к люку тяжелую крышку. Над крышкой была вода. Сто метров воды до поверхности.

– Кондратьев, – сказал Белов.

– Да?

– Слушай, Кондратьев, почему мы идем под водой? Давай всплынем и откроем люк. Свежий воздух и все такое.

– Наверху пять баллов, – ответил Кондратьев.

«Да-да», – подумал Белов, – пять баллов, болтанка, открытый люк зальет. Но все равно сто метров над головой – это неуютно. Скоро начнется спуск, и будет двести метров, триста, пятьсот. Может быть, будет километр или даже три километра. Зря я напросился, – подумал Белов. – Нужно было остаться на „Кунашире“ и писать статью».

Еще одна креветка стукнулась в иллюминатор. Словно крошечный розовый взрыв. Белов уставился в темноту, где на миг появился силуэт стриженою головы Кондратьева.

Кондратьеву, разумеется, такие вещи и в голову не приходят. Кондратьев совсем другой, не такой, как многие. Во-первых, он из прошлого века. Во-вторых, у него железные нервы. Такие же железные, как проклятый замок. В-третьих, ему наплевать на неизведанные тайны глубин. Он погружен в методы точного подсчета поголовья и в вариации содержания протеина на гектар планктонного поля. Его заботит хищник, который зарезал молодых китов. Шестнадцать молодых китов за квартал, и все, как на подбор, самые лучшие. Чуть ли не гордость тихоокеанских китоводов.

– Кондратьев?

– Да?

– Не сердись.

– Я не сержусь, – сердито сказал Кондратьев. – С чего ты взял?

– Мне показалось, что ты сердишься. Когда мы начнем спуск?

– Скоро начнем.

Пок… Пок-пок-пок… Целая стайка креветок. Совсем как новогодняя пиротехника. Белов судорожно зевнул и торопливо захлопнул рот. Вот что он сделает: будет все время держать рот закрытым.

– Акико-сан, – сказал он. – How do you feel?

– Хорошо, спасибо, – вежливо ответила Акико.

По голосу было понятно, что она не обернулась, «Тоже сердится, – решил Белов. – Это потому, что она влюблена в Кондратьева. Кондратьев сердится, и она тоже. Она смотрит на Кондратьева снизу вверх и называет его не иначе, как „товарищ субмарин-мастер“. Очень уважает его, прямо-таки благоговеет. Да, она влюблена в него по уши, это всем ясно. Ясно, наверное, даже Кондратьеву. Только ей самой еще не ясно. Бедняжка, очень ей не повезло. Человек с железными нервами, чугунными мускулами и медным лицом. Монументальный человек этот

Кондратьев. Человек-будда. Человек-памятник самому себе. И своему веку. И всему героическому прошлому».

В два часа ночи Кондратьев включил свет и достал карту. Субмарина висела над центром впадины в восемидесяти милях к юго-западу от дрейфующего «Кунашира». Кондратьев рассиянно чиркнул по карте ногтем и объявил:

- Начнем спуск.
- Наконец-то, – проворчал Белов.
- Товарищ субмарин-мастер, – сказала Акико. – Мы будем спускаться по вертикали?
- Мы не в батискафе, – сухо сказал Кондратьев. – Будем спускаться по спирали.

Он сам не знал, почему он сказал это сухо. Может быть, потому, что снова увидел Акико. Он думал, что хорошо помнит ее, но оказалось, что за несколько часов в темноте он наделил ее черточками других женщин, совершенно не похожих на нее. Женщин, которые нравились ему раньше. Товарищей по работе, актрис из разных фильмов. При свете эти черточки исчезли, и она показалась ему тоныше, угловатее, смуглее, чем он представлял себе. Она была похожа на мальчишку-подростка. Она смирино сидела рядом с ним, опустив глаза, положив руки на голые колени. «Странно, – подумал он, – я никогда не замечал раньше, чтобы от нее пахло духами».

Он выключил свет и повел субмарины на глубину. Нос субмарины сильно наклонился, и Белов уперся коленями в спинку кресла. Теперь через плечо Кондратьева он видел светящиеся циферблаты и экран ультразвукового локатора в верхней части пульта. На экране вспыхивали и пропадали дрожащие искры: вероятно, сигналы от глубоководных рыб, еще слишком далеких, чтобы их можно было отождествить. Белов перевел глаза на циферблаты, отыскивая указатель глубины. Батиметр был крайним слева. Красная стрелка медленно подползала к отметке «200». Потом она так же медленно будет ползти к отметке «300», потом «400»... Под субмариной трехкилометровая пропасть, и субмарина – это крошечная соринка в невообразимо огромной массе воды. Белов вдруг почувствовал, будто что-то мешает ему дышать. Темнота в кабине сделалась плотной и безжалостной, как холодная соленая вода за бортом. «Начинается», – подумал Белов. Он вобрал в себя воздух и задержал его в легких. Затем зажмурил глаза, вцепился обеими руками в спинку кресла и принял считать про себя. Когда перед зажмуренными глазами поплыли цветные пятна, он шумно выдохнул воздух и провел ладонью по лбу. Ладонь стала мокрой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.